

В погожий солнечный день после обеда жители деревни продолжали заниматься своими делами. Дети бегали и играли, шумно перекрикиваясь, а под большим деревом баньян женщины и мужья обсуждали последние сплетни: кто с кем поругался, у кого что случилось. В деревне Линшуй царил мирная, безмятежная атмосфера, будто ничего и не происходило.

— Прошло уже два дня, а семья Чжан всё ещё жива, вот это везение!

— Будда Амитабха, слава небесам, что в их доме никто не подхватил эту заразу... Сегодня очередь моего мужа носить им еду, я чуть с ума не сошла от страха!

— А травник не говорил, что нужно ещё несколько дней, чтобы точно понять, заразились ли они?

— Проклятая Чжао Дунчжи! Тащить домой какого-то непонятого мальчишку с улицы... Если из-за неё деревня пострадает, пусть катится в восемнадцатый ад!

Стоило вспомнить о причине всеобщей тревоги, как все начали громко ругаться. И тут одна болтливая баба понизила голос и прошептала:

— А вы знали, Чжао Дунчжи собиралась позвать мою свекровь на кухню помогать? Моя золовка ради интереса спросила, из какой семьи тот гер, на котором собираются женить Чжана Баошуня...

— И угадайте, что она услышала?

Все женщины сразу же уставились на неё, полные ожидания. Та и не стала тянуть, прямо выпалила:

— А та бессовестная Чжао Дунчжи заявила, будто её Шуньцзы женится на каком-то двоюродном братце по материнской линии, мол, и родня, и ещё и «родство укрепитесь».

— Тьфу! — дружно сплюнули все.

Если бы не такой шум да огласка, Чжао Дунчжи и не думала бы признавать вину, до последнего держалась за историю с «родственничком». Теперь-то Чжан Баошуню, похоже, точно придётся до старости в холостяках сидеть. Сваха, которую Чжао Дунчжи пригласила за большие деньги, оказывается, близко контактировала с тем гером, который, как теперь все знают, болен. Вот и заперли её с остальными в доме Чжан. Говорят, вчерашней ночью у них в доме чуть до драки не дошло, кричали на весь двор.

Свахи между собой, как водится, общаются, делятся «товаром», клиентами, слухами. А Чжан Баошунь и раньше-то был не самый завидный жених, а теперь, после всей этой истории, семья Чжан навсегда в чёрном списке свих из всех соседних деревень.

— Эй, смотрите, это же Чанъань, — сказала женщина, перебирающая овощи, и кивнула в сторону дороги.

По утоптанной просёлочной дорожке шёл молчаливый смуглый парень с мощной спиной и загорелой кожей. За плечами у него покачивалась бамбуковая корзина, и при его росте и ширине плеч, она казалась почти игрушечной. Парень шёл молча, опустив голову, прямо в сторону гор.

У него были хорошие черты лица, и его вполне можно назвать красавцем, но из-за тяжёлой работы на солнце кожа у него стала грубая и тёмная, а на теле висела простая грубая куртка, вся в заплатах. Среди молодых парней такой вид не особо привлекает взгляд.

— Чанъань, куда путь держишь? — позвали его несколько тёток, живущих по соседству.

Хо Чанъань поднял голову на голос, взглянул на них, честно показал пальцем на запад:

— В горы... за травами.

Неудивительно, что на его лице написана тревога, женщин словно озарило: два дня назад вернулся старший брат Хо Чанъаня. Хо-далана в пятнадцать лет отправили на фронт, и десять лет о нём не было ни слуху ни духу, даже родной отец считал его погибшим, что уж говорить о соседях.

Но, видно, Хо-далан настоящий крепкий орешек: едва северо-западный фронт объявил о победе, как он вернулся домой. Хотя весь израненный, да ещё и ногу сломал, лечить его будет дорого, но хоть живой вернулся, и то радость.

— Я всё думала, чего это Сюцзюань на глаза не попадается... Наверное, дома за даланом ухаживает, — вздохнула одна из женщин.

А та, что поязвительнее, не удержалась:

— Ха, да тут не просто лишняя ложка за столом, а лишняя пасть, которую кормить и лечить надо! А он ведь здоровенный мужик, и ест как не в себя, и лекарства дорогие, и бульоны, и травы... Чанъаню вот самому и приходится в горы лазить за лекарственными травами, видно, денег в семье совсем впритык.

Все вспомнили, каким мрачным и подавленным выглядел Хо Чанъань всего пару минут назад, и разом вздохнули, это у кого угодно вызвало бы тяжёлые чувства.

Хо Чанъань присел на землю, сосредоточенно и низко склонившись, продолжал искать нужные лечебные травы. Большую часть из них он уже собрал, но две редкие всё никак не удавалось отыскать. Он встал, собираясь взвалить корзину на спину и пройти глубже в лес, как вдруг

заметил, что фруктов, которые он нарвал для сестры, не хватает — два пропали.

Он почесал затылок, на его тёмном лице отражалось сплошное недоумение: «Я что, неправильно посчитал?..»

Да ладно, подумал он, на обратном пути ещё нарву, делов-то.

Он и не подозревал, что всё это время на дереве прямо над ним сидел подросток. Когда Чанъань наклонился, чтобы искать травы, парень свесился вниз, повиснув ногами на ветке, и длинной рукой ловко вытащил два плода из корзины. Его тело было гибким и лёгким. Чуть усилил в талии, и он без звука вернулся в сидячее положение на ветке.

Это был Лин Си.

Он вовсе не собирался обворовывать человека, просто услышал, как тот бормочет про две редкие травы, и, слегка шевельнув носом, по запаху быстро вычленил нужное из тысячи запахов горного леса.

Листва зашевелилась. Внезапно окружающие деревья зловеще зашуршали, и с кроны на Хо Чанъаня обрушился дождь из листьев. Как человек, выросший в этих горах, он сразу уловил, что в воздухе что-то не так. Всё нутро сжалось от тревоги, он стиснул в потной ладони нож. Воздух, будто сгустившийся клей, стал тяжёлым и вязким, а холодный пот струился по вискам, промачивая до нитки его и без того поношенную одежду.

Однако...

Минута прошла. Ничего не случилось.

Но столь долгий выброс адреналина вымотал его. Чанъань верил своей интуиции и всё же решил не испытывать судьбу. Он наспех закинул корзину на спину и бегом помчался вниз с горы, пока в голове звенел панический сигнал.

Лишь когда он вбежал в родной двор, заметил, что две редкие травы, которые он так долго не мог найти, таинственным образом оказались в его корзине, и даже с лихвой.

□

А на склоне, в тени деревьев, Лин Си лениво провожал взглядом убегающего с горы Чанъаня. Он пожал плечами:

— Ну и пугливый...

Из леса одна за другой показались пушистые головы. Одна потёрлась о его ногу. За ней вторая. Третья. Вскоре Лин Си оказался буквально окружён ворохом лохматых серых голов. Волки ластились к нему, не таясь, заваливались на бок, подставляя мягкие животы, беззастенчиво выклянчивая внимание и ласку.

— Ррр! — прорычал огромный волк с густой шерстью серо-белого цвета.

Он рывком схватил самую бесстыжую из валяющихся на спине волчиц за шкуру и запустил её в кусты с такой яростью, будто она опозорила всё волчье племя.

— Да не злись ты, Дахуэй... — Лин Си протянул руку и мягко потрепал вожака по голове.

Мгновенно с морды грозного зверя сошло всё величие, и перед юношей остался преданный, ласковый «пёсик», прижавший уши и с нежностью трущщийся о его руку.

□

Дахуэй был вожаком стаи, но и Лин Си был не просто человеком. Он — модифицированный носитель звериных генов, прошедший через десятки этапов генной оптимизации. В его ДНК был хищный зверь, и потому на инстинктивном уровне он давил на любых животных.

В постапокалиптическом мире, где звери и растения непрерывно мутировали, люди были вынуждены становиться сильнее, быстрее, опаснее, иначе могли запросто погибнуть. Обычные люди видели в таких, как он, бешеных зверей или бессердечное оружие.

Когда Лин Си был выброшен в лес умирать, именно стая волков нашла и приютила его. Для него это было словно вернуться домой, в родной уютный мир. За два дня, что он провёл в лесу, если не считать мучительного предвестия "жары", всё остальное просто мечта, словно он - мышь, свалившаяся в бочку с рисом.

Он ел такие продукты, о которых раньше только читал в книгах, и всё это приносили его волчьи "младшие братья" по собственной воле, будто и правда считали его одним из своих. Иногда, в знак «дружбы», они даже приносили ему всякие диковинные вещи, хотя вкусы у них, мягко говоря, были... странные.

В первую же ночь, остро чувствительный Дахуэй заметил странное возбуждение, исходящее от Лин Си. Поняв это по-своему "по-волчьи", он... вовсе не стал долго думать. С добрейшим намерением он притащил для него юную волчицу.

Лин Си: "..."

Он чувствовал, как с каждым днём его тело становилось всё горячее, а нити разума постепенно рвались. Еды в горах он ещё не наелся, умирать пока не хотелось, и тем более не хотелось

потерять контроль и потом спуститься в деревню устроить резню. Лин Си решил рискнуть.

Он собирался поставить на тот самый один процент вероятности. Найти крепкого и сильного человека, чтобы вместе пережить период горячки.

Хотя он уже принял решение, но один процент слишком ничтожен, Лин Си сидел тут уже два дня, и ни один ему не приглянулся.

- Вуу, — Дахуэй позвал Лин Си пару раз.

- Ты спрашиваешь, тот парень не подойдёт? — Лин Си решительно покачал головой и начал анализировать вместе с Дахуэем: - Ты не смотри, что он вроде высокий и крепкий, на самом деле у него нехватка питания. С его ростом его нужно хорошо откармливать пару месяцев, чтобы хоть как-то на человека стал похож.

- К тому же, чёрный уголь меня не интересует.

Подходит ли телосложение, Лин Си мог определить с одного взгляда. Жаль, конечно. Смуглый парень в деревне считался одним из самых заметных, хоть и тёмный, но черты лица правильные, такой себе симпатичный тип спортивного студента. Наверное, семья бедная, мяса толком не ел, а то, что вырос таким высоким - заслуга хороших генов.

Дахуэй уныло опустил голову - хотел помочь, да не знал как. Краем глаза он снова покосился на нескольких волчиц в стае.

Лин Си: «...»

Он схватил волчью башку и резко повернул:

- Пошли, пойдём рыбу ловить.

Волчья стая с радостным визгом рванула к ручью. В этот момент кто-то лапкой легонько ткнул Лин Си в икру. Он опустил голову и встретился взглядом с парой глаз, ещё не до конца избавившихся от голубой пелены. Маленький волчонок держал в зубах какой-то предмет.

- Юаньсяо? Ты чего вылез? — Лин Си присел и хорошенько взъерошил пушистую шерстку малыша.

- Ау! — сердитая волчица подбежала, рывкнула на волчонка, кивнула Лин Си и, схватив малыша за шкуру, потащила его обратно в пещеру.

Что-то упало на траву из пасти волчонка. Лин Си наклонился и поднял - это был нож. На рукояти что-то вырезано.

- Хо?.. — Лин Си с трудом разобрал надпись. Похоже, местный язык лишь немного отличался от того, что был в его родном мире: очертания похожи, угадать несложно.

Неужели этот нож обронил тот самый смуглый парень?

Лин Си прошёл несколько шагов назад и отыскал место, где волчонок нашёл нож - как раз там, где смуглый юноша до этого собирал травы.

Согласно знаниям Лин Си об истории, в древности соль и железо находились под строжайшим контролем. Торговля контрабандной солью каралась смертной казнью, железо использовалось для изготовления оружия и напрямую касалось боеспособности страны. Даже чтобы выковать простую железную кастрюлю или кухонный нож, нужно было получить разрешение, а цена за это была немалой.

Обычный деревенский парень точно не мог владеть столь искусно сделанным ножом. Конечно, Лин Си почти ничего не знал об этом мире, может, тут торговля солью и железом разрешена. Но он не верил: мясо есть не на что, а деньги на такой нож нашлись? Нет, не сходится. Значит, нож — подарок? Если это так, то даритель, скорее всего, прибыл издалека: у местных кузнецов не хватило бы мастерства, чтобы выковать подобное.

После того как он осмотрел всех деревенских и не нашёл ни одного подходящего кандидата, Лин Си покрутил нож в руках и приподнял бровь. В узких, ярко блестящих глазах промелькнул интерес:

— Вечером схожу, погляжу.

Не вздумай меня разочаровать.

Мужчина на кровати внезапно вздрогнул, по спине пробежал холод, словно чьё-то недоброе внимание задело его издали.

— Пей лекарство. — Хо Чанъань с каменным лицом поставил чашу с отваром у изголовья.

— Кх-кх... — Хо Цзюй почувствовал, как в горле защекотало. Кашель тут же отозвался болью в груди, холодный пот выступил на лбу.

Хо Чанъань резко шагнул вперёд, словно вспыхнувший фейерверк:

— Что это ты разыгрываешь?! Надеешься, что я тебя кормить буду?!

— Н-не... не в этом дело. — Хо Цзюй прикрыл бледные губы ладонью, тёмные брови болезненно сдвинулись, а горький металлический вкус заполнил рот.

Вид его болезненного, измождённого вида только усилил раздражение Хо Чанъяня. Он грубо схватил мужчину за ворот:

— Десять лет назад ты ушёл, не сказав ни слова, оставил нас и исчез. Мы решили, что ты погиб. А теперь, когда тебе нужны деньги на лечение и кто-то, чтобы за тобой ухаживал, ты вдруг вспомнил о семье?! Ты эгоист!

Чёрные густые ресницы Хо Цзюя опустились, скрывая выражение в глазах. После долгого молчания он тихо произнёс:

— Прости, Чанъянь.

— Кому нужны твои извинения! — Хо Чанъянь злобно рявкнул, — Слушай сюда: семья не потратит на тебя ни гроша! Можешь выбросить эту надежду из головы!

С этими словами он резко развернулся и быстро вышел, словно само присутствие в этой комнате причиняло ему боль.

Хо Цзюй провожал взглядом уходящего младшего брата, глаза его напоминали тёмное, бездонное озеро - тусклые, непроницаемые, как ночь перед бурей.

Внезапно вся его аура переменилась: в больном теле засияла опасная мощь. Его взгляд стал острым, как у ястреба, в глазах блеснуло лезвие, даже в измождённом состоянии он вызывал страх и почтение. Такого недооценивать нельзя.

— Кто там? — голос был холоден, но точен, как стрела.

Лин Си, стоявший под окном, не успел отвести взгляд вовремя. Всего несколько лишних секунд, и его обнаружили. Жар внутри будто вспыхнул ещё сильнее, кровь закипала, огонь внутри яростно разгорался, осыпаясь искрами по венам.

В глазах юноши загорелся яркий, чистый и неподдельный интерес. Он чуть склонил голову, облизал клычок, а его изначально изящное и интеллигентное лицо вдруг приобрело лукавую, почти хищную нотку.

Пальцы лениво сжали ухо Дахуэя.

— Он. — с усмешкой сказал Лин Си. — Он подойдёт.

<http://bllate.org/book/13580/1204846>